

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

136E 67th Street
New York, NY 10065

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252
517-7427

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в Шестом комитете 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права» (Темы:
«Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами»,
«Иммунитет должностных лиц государства
от иностранной уголовной юрисдикции»)

Г-н председатель,

Прежде всего хотелось бы поблагодарить Спецдокладчика г-жу Марию Лехто и Рабочую группу под председательством г-на Васкеса-Бермудеса за проделанную работу по теме «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами». Эта тема находится на рассмотрении Комиссии длительное время; в этом году завершилось первое чтение проекта принципов и комментариев ему.

На наш взгляд, вопросы защиты окружающей среды в вооруженном конфликте в достаточной мере урегулированы международным гуманитарным правом. Проект принципов содержит некоторые положения, которые по-прежнему нуждаются в доработке, а также неоправданно расширяют охват темы. Считаем также, что в проекте следовало бы избегать формулировок, не применимых в условиях современного МГП.

При этом с удовлетворением отмечаем, что идея формулирования положений об охране окружающей среды сохранилась в форме проекта принципов, подчеркивая тем самым намерение выработать исключительно общие руководящие правила, призывающие к определенному поведению, а не юридически обязывающий документ.

Как известно, первоначальный смысл работы над данной темой заключался не в обобщении норм международного права в области защиты окружающей среды, а их применении исключительно в условиях вооруженного конфликта. Приветствуем подход, выработанный Спецдокладчиком, не смешивать различные отрасли международного права (международное право окружающей среды, право вооруженных конфликтов и международное право прав человека).

В первом принципе «Сфера применения» указано, что проекты принципов охватывают три временные фазы – до, во время и после вооруженного конфликта, а Пятая часть проекта целиком посвящена принципам, применимым после вооруженного конфликта. Хотелось бы еще раз обратить внимание, что периоды до и после вооруженного конфликта считаются мирным временем, когда в полной мере действуют общие нормы, применимые к защите окружающей среды.

Далее, под вооруженным конфликтом предлагается понимать как международный, так и немеждународный вооруженный конфликт. В этой связи полагаем контрпродуктивными попытки выработать свод всеобъемлющих правил в области защиты окружающей среды на всех временных промежутках. Достаточно было бы сосредоточиться на ситуации вооруженного конфликта.

В принципе 4 полагали бы некорректным говорить о применении правового режима охраны культурного наследия к вопросам, связанным с защитой окружающей среды в случае вооруженного конфликта. В целом считаем некорректным употребление термина «охраняемая зона», поскольку в современном МПП такое понятие отсутствует.

Так, четвертая Женевская Конвенция 1949 г. и Дополнительный протокол I предусматривают три «зоны безопасности»: санитарные зоны, нейтральные зоны и демилитаризованные зоны. Введение понятия «охраняемой зоны» излишне расширяет понятия «зон безопасности» и явно выходит за рамки исследования данной темы. Удивлены также распространению этого принципа на земли коренных народов. В рамках этого принципа и принципа 5 Второй части проекта полагаем, что правовой режим территорий проживания коренных народов не имеет непосредственного отношения к рассматриваемой теме.

В принципе 10 «Корпоративная должная осмотрительность» и принципе 11 «Ответственность корпораций» предпринимается попытка урегулировать одновременно разные правовые ситуации. Вряд ли разумно сравнивать правовое регулирование деятельности компании по разработке природных ресурсов на территории своего государства, затронутой внутренним вооруженным конфликтом, и аналогичной деятельности компаний оккупирующего государства на оккупированной территории. Считаем невозможным налагать на государства обязательства предпринимать одинаковые меры в этих разных ситуациях применительно к корпорациям с тем, чтобы они проявляли «должную осмотрительность и осторожность в отношении защиты здоровья и окружающей среды», а также для создания правовых условий для привлечения таких корпораций к ответственности.

Компания, работающая на территории своего государства, в том числе в ситуации внутреннего вооруженного конфликта, не говоря о постконфликтном восстановлении, связана действующим в этой стране законодательством, касающимся ответственности за ущерб. Едва ли в этой области требуется дополнительное регулирование. Работа же компаний за рубежом в зонах вооруженного конфликта имеет свои особенности, выходящие за пределы тематики защиты окружающей среды. Есть вопросы, связанные с легитимностью

деятельности таких компаний в той или иной ситуации в принципе, вне зависимости от вопросов экологии.

Хорошо известны дискуссии, которые ведутся, в том числе в Совете ООН по правам человека и СБ ООН относительно правомерности деятельности компаний на оккупированных и несамостоятельных территориях. Лишь у небольшого количества государств имеется национальное законодательство по данному вопросу. В этой связи не считаем необходимым включение этих проектов принципов. Не исключаем, однако, что имело бы смысл призвать государства побуждать хозяйствующие субъекты к оценке рисков своей деятельности в районах вооруженного конфликта, в том числе в контексте минимизации возможного ущерба окружающей среде.

В связи с принципом 8, касающимся перемещения лиц, вызванного вооруженным конфликтом, хотелось бы отметить следующее. Бесспорно, природная среда испытывает колоссальную нагрузку во время вооруженного конфликта не только вследствие военных действий, но и в связи с перемещением значительного числа людей, стремящихся укрыться от ужасов войны. Государства обязаны в такой ситуации обеспечить минимальные условия для выживания. Согласно статье 17 Дополнительного протокола II «в случае необходимости осуществления таких перемещений принимаются все возможные меры для приема гражданского населения в условиях, удовлетворительных с точки зрения обеспечения крова, гигиены, здоровья, безопасности и питания». Это обязательство государства имеет приоритет по отношению к возможным последствиям для окружающей среды.

Следовательно, вряд ли стоит утверждать, что у государств имеется обязательство «по предотвращению и смягчению последствий ухудшения состояния окружающей среды в районах, где находятся перемещенные в результате вооруженных конфликтов лица». В этой связи правильнее было бы

говорить не требования к государствам, а призыву к ним, а также международным организациям и другим субъектам, по возможности принимать соответствующие меры.

Хотелось бы отдельно прокомментировать проект принципа 12, посвященного «оговорке Мартенса», сформулированной русским дипломатом и правоведом Ф.Ф.Мартенсом. На наш взгляд, в контексте рассматриваемой темы он не вполне уместен.

«Оговорка Мартенса», будучи нормой обычного права, до сих пор является краеугольным камнем современного МГП. Обратили внимание, что Спецдокладчик отходит от первоначальной версии, которая в оригинале звучит так: «в случаях, не предусмотренных принятыми <...> постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права <...> законов человечности и требований общественного сознания». Налицо попытка расширить сферу применения оговорки Мартена, что может существенно ослабить ее первоначальную направленность – защиту населения.

Кроме того, ссылка на «оговорку Мартенса» в действующих международных документах, регулирующих охрану окружающей среды, отсутствует. С учетом этого вряд ли оправданно говорить о поддержке государствами ее применимости в контексте рассматриваемой темы.

Г-н Председатель,

Мы с интересом изучили новый доклад г-жи Эскобар Эрнандес по теме **«Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»** и ознакомились с резюме дискуссии по шестому и седьмому докладам в совокупности.

Разделяем стремление Комиссии найти ответы на ряд фундаментальных процессуальных вопросов, которые играют важнейшую роль в применении института иммунитета должностных лиц, в том числе: когда начинает действовать

иммунитет от иностранной юрисдикции и на каких действиях государства суда он сказывается; является ли задействование иммунитета необходимым и кто может его задействовать; как и кем осуществляется снятие иммунитета; каковы последствия снятия иммунитета для осуществления юрисдикции и др.

Исходим при этом из того, что анализ таких вопросов должен носить самостоятельный, а не «вспомогательный» характер, будучи нацеленным на формулирование ценного руководства, основанного на практике государств.

Однако понятно, что фиксация такого рода процессуальных положений не компенсирует тех проблем, которые вытекают из предлагаемых проектом статьи 7 исключений из иммунитета. В этой связи позвольте в очередной раз напомнить нашу твердую позицию о том, что существование исключений, перечисленных в проекте статьи 7, принятой в Комиссии голосованием, а не консенсусом, не подтверждается ни практикой государств, ни *opinion juris*. Мы также не разделяем мнения, что проект статьи 7 является «прогрессивным развитием» международного права. Напротив, не может считаться прогрессивным движение в сторону размывания одной из фундаментальных норм международного права, которое чревато лишь возникновением новых очагов напряженности в межгосударственных отношениях из-за неизбежного умножения числа политически мотивированных попыток привлечь должностных лиц одних государств к уголовной ответственности в других государствах.

Призываем Комиссию вернуться к рассмотрению содержания проекта статьи 7 до принятия всего комплекса проектов статей в первом чтении.

Что касается новых проектов статей (проекты статей 8-16), то хотели бы выразить обеспокоенность по поводу того, что в представленной Специальным докладчиком редакции они, на наш взгляд, не могут рассматриваться как в полной мере гарантирующие недопущение преследования иностранных должностных лиц по политическим мотивам.

Как известно, хотя все девять проектов статей были переданы на рассмотрение в Редакционный комитет, по итогу работы предварительно была одобрена лишь одна статья – 8 *ante* («Применение Части четвертой»), которая, к тому же, была предложена не самим Специальным докладчиком, а выработана непосредственно Редакционным комитетом.

Исходим из того, что проект статьи 8 *ante* должен толковаться как подтверждающий, что весь объем соответствующих гарантий и положений распространяется на любые случаи преследования иностранных должностных лиц, включая те, когда иммунитет у таких лиц отсутствует. Иное противоречило бы основной цели таких гарантий – избежанию злоупотребления, в частности в отношении политически мотивированного преследования иностранных должностных лиц. Более того, некоторые из предложенных Специальным докладчиком гарантий (например, проект статьи 16) приобретают ценность именно в ситуации отсутствия иммунитета. На это Комиссии следовало бы обратить внимание при дальнейшей работе над конкретным перечнем гарантий.

Далее хотели бы пояснить свою позицию по ряду иных процедурных вопросов, затронутых в шестом и седьмом докладах.

Разделяем мнение Спецдокладчика по вопросу о ссылке на иммунитет, соответствующее позиции Международного Суда, в частности, в деле, касающемся определенных вопросов, связанных с взаимной помощью в уголовных делах (Джибути против Франции). Согласны, что в отношении лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*, вопрос об иммунитете должен рассматриваться органами государства суда *proprio motu* – без необходимости ссылки со стороны государства должностного лица, поскольку государство суда и без того осведомлено о характере деятельности таких лиц. Иначе обстоит дело с иммунитетом *ratione materiae*, так как государству суда не всегда могут быть известны функции такого лица, и, соответственно, государство должностного лица

имеет заинтересованность в заявлении об иммунитете. Безусловно, это не означает, что государство суда не может воздержаться от осуществления своей юрисдикции в отношении должностного лица, признав, что оно обладает иммунитетом. При этом, однако, вряд ли можно считать, что государство суда в данном случае обязано сделать это по собственной инициативе. Как представляется, если государство должностного лица не сослалось на его иммунитет *ratione materiae*, хотя имело для этого все необходимые предпосылки и было надлежащим образом уведомлено, данный факт может иметь определяющее значение для вывода об отсутствии иммунитета.

В части, касающейся отказа от иммунитета, обращает на себя внимание раздел, посвященный положениям международных договоров, которые могут трактоваться как отказ от иммунитета. Исходим из того, что в отсутствие специальных норм об отказе государств-участников международного договора от иммунитета согласие государства на осуществление в отношении его должностных лиц иностранной уголовной юрисдикции презюмироваться не должно. В ином случае это противоречило бы базовому тезису о «ясном и недвусмысленном» отказе от иммунитета. Представленный подход соответствовал бы позиции Международного Суда по делу, касающемуся ордера на арест от 11 апреля 2000 года (Демократическая Республика Конго против Бельгии).

Спецдокладчик заявляет о «неделимости» отказа от иммунитета в отношении всего уголовного производства. Вместе с тем, на наш взгляд, в отдельных случаях отказ от иммунитета имеет место только в отношении определенной категории действий. Например, государство может отказаться от иммунитета своего должностного лица в отношении дачи показаний в качестве свидетеля. Однако вряд ли правильно считать, что такой отказ будет автоматически охватывать и ситуацию, когда в отношении этого должностного лица – в рамках того же уголовного производства – будут впоследствии выдвинуты обвинения.

Что касается обмена информацией, то согласны с тем, что для этих целей могут задействоваться каналы и процедуры, предусмотренные соглашениями о международном сотрудничестве и взаимной правовой помощи. При этом участие государства должностного лица в процессе обмена информацией не должно трактоваться как признание юрисдикции государства суда или молчаливый отказ от иммунитета должностного лица.

Вместе с тем не вполне понятны причины, на основании которых Спецдокладчик решила ограничить основания для отказа в предоставлении информации только угрозой суверенитету, безопасности, публичному порядку или иным важным государственным интересам запрашиваемой стороны. Полагаем, что в текст соответствующего проекта статьи следует включить и другие хорошо известные основания, такие как направление запроса в связи с политическими преступлениями либо случаи преследования по тем или иным дискриминационным основаниям, а также противоречие законодательству запрашиваемой стороны.

Представляется полезным дальнейшее «усиление» положений о справедливом и беспристрастном обращении с должностным лицом. Хотя представленные гарантии являются широко признанными и прочно закрепленными в современном международном праве (включая международное право прав человека и международное гуманитарное право), нелишним, на наш взгляд, было бы подтверждение их применимости и к должностным лицам иностранного государства.

Хотели бы также отметить, что, на наш взгляд, имеется ряд вопросов, ответы на которые Комиссии еще предстоит найти.

В отношении заявленных Спецдокладчиком планов будущей работы хотели бы вновь напомнить, что Россия не поддерживает намерение рассмотреть вопросы, связанные с международной уголовной юрисдикцией, в рамках темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции».

Во-первых, с самого начала, еще на стадии включения предложения о рассмотрении данной темы в долгосрочную программу работы Комиссии, соответствующий блок вопросов был прямо исключен из сферы охвата.

Во-вторых, как указано в пункте 1 проекта статьи 1, «настоящие проекты статей применяются к иммунитету должностных лиц государства от уголовной юрисдикции другого государства». В комментарии к данной норме закреплено, что «Комиссия решила ограничить сферу применения проекта статей иммунитетом от “иностранной” уголовной юрисдикции, которая отражает горизонтальные отношения между государствами. Это означает, что проект статей будет применяться исключительно в отношении иммунитета от уголовной юрисдикции “другого государства”. Таким образом, иммунитеты от юрисдикции международных уголовных трибуналов, которые регулируются отдельным правовым режимом, выносятся за пределы сферы применения проекта статей. Это исключение необходимо понимать таким образом, что положения настоящего проекта статей никоим образом не затрагивают ни одну из норм, регламентирующих функционирование таких юрисдикций».

Предложение Специального докладчика относительно разработки механизма урегулирования споров между государством суда и государством должностного лица представляется нам преждевременным.

Что касается возможного включения «передовой практики» («good practices»), отметили бы, что, как таковой, анализ практики государств является основой работы Комиссии. Однако не убеждены, что в данном случае будет уместным «деление» практики на «передовую» и «непередовую».

В этой связи хотели бы напомнить, что уникальность Комиссии заключается в том, что она представляет собой воплощение мысли всех правовых систем мира и дает возможность всем регионам вносить вклад в формирование норм международного права. Еще одна важная черта Комиссии – отсутствие

политизации и стремление работать на основе консенсуса. Полагаем крайне важным сохранять эти традиции. Убеждены: чтобы быть эффективными, нормы международного права должны давать ощущение сопричастности всем странам и регионам.

В этом контексте не менее важно, чтобы Комиссия слышала и должным образом учитывала мнения государств. Полагаем, что несогласие делегаций с каким-либо положением в разрабатываемом проекте должно восприниматься серьезно и вести к продолжению работы над темой, даже если для этого потребуется продлить срок подготовки документов для представления в Шестой комитет.

Учитывая количество нерешенных вопросов, все еще стоящих перед Комиссией, призываем не спешить с завершением первого чтения проектов статей по данной теме.

Благодарю Вас, г-н Председатель.